Не смог

И потому что надо до снега встретиться, помолчать, проститься,
Посмеяться друг другу в опустошённые злые лица,
Поколоться хребтами, поупираться лбами, померяться ширью ран.
Я с тобой был собой, а теперь — обогащённый взрывной уран.

Я с тобой был глуп, аккуратен, приметлив и терпелив.
Я тебе нужен был на час, как дурак-калиф.
А теперь посмотри: у меня между язв проступает вязь,
Я лежу на земле в крови, даже не дерясь.

Посмотри, как меня не щадило лето, застав врасплох.
Я был твой любимый малыш-нарцисс, стал — чертополох.
А ты снишься мне ночью такая же точно, как в феврале,—
С этим взглядом впритык, от которого дрожь, будто ты желе.

Ты была благозвучней песен, наполненней всяких притч.
Ты ложилась в меня, словно каменщик клал кирпич.
А теперь в этой кладке дыры чернее самых глубоких шахт.
Где-то там, где, согласно легендам, живёт душа.

Я распорот по шву, словно заяц, и лезет вата.
Я тупой или острый угол внутри квадрата.
Я был к месту всегда, а теперь стал не вовремя, недосуг.
Я сухой и трухлявый спиленный мёртвый сук.

И потому что нам надо было встретиться и проститься.
Выпить наспех кофе. Тебе с молоком, корицей?
Я бы справился, сдюжил, выжил и пережил
Разлуку, затянутую бечёвкой из моих первоклассных жил.

Только ты порешила оставить сохнуть меня, как мох.
Кстати, если читаешь это, то я не смог.

Сага

И говорит со мной старый, седой, угловатый камень:
«Твоя Луна в Рыбах, Меркурий в Раке.
И голова в облаках, а сердце во мраке.
И, смотрю, все вокруг выглядят дураками.

А на заднем твоём дворе беспросветный вечер танцует сальсу,
И под ночь приплывают альвы с бутылкой хмеля.
Ты их кормишь щедро и мягко стелешь,
А они тебя просят: пусти до рассвета — сжалься.

И в рассвет обращаются в узкие, тесные гроты,
Бесконечной твоей печали немые своды.
Ты такой одинокий, убогий пастырь своей природы.
Кроме жизни, внутри у тебя ни одной заботы.

И дракон чернoокий кружи́т над твоей черепицей,
И размах его крыльев приносит в Канзас торнадо.
У него меж людей ни отдушины, ни отрады,
Окромя тебя — безголосой, бескрылой птицы.

И сидит твой дракон на холме, непокорный своей кручине,
На твой дом неотрывно глядя — подёргивается спина.
И вдруг видит в твоём окне черновласого кабана
В медно-жёлтом свете погнутой твоей лучины.

На черничной поляне дракон кабана нагоняет.
Дело спорится скоро, и сговор предельно хорош.
В ожиданье гостей ты, как водится, дверь не запрёшь.
И кабан не запрёт её тоже, условия все исполняя.

В эту ночь упадут все деревья — земля станет ровной.
И нарушится ход колеса. И попрётся небесный закон.
Твоё сердце сожрёт чернoокий коварный дракон,
А кабан пропитается весь твоей тёплой отравленной кровью.

Память

Просто здесь ничего не меняется, кроме названий и интерьера,—
Да и мы всё те же, сменились только тела.
Те же начальники нквд, те же беспочвенные дела.
И Москва в тех же кольцах, древесных кольцах Гомера.
Каждое начинание кончается высшей мерой.

Это мы. Это нас кормили прогорклой кашей без молока.
Это мы вырастали врагами народа из октябрят.
Это с нас вы сдирали спесь, как кожу ножом с телят.
Это за нами всё время смотрят с той стороны замка:
Сначала соседи сквозь скважину, после — каратели у глазка.

Это в нас обратилась Цветаева за петлёй,
В нас перешёл Гумилёв где-то после четвёртой пули.
Это нас зачинали в Краслаге при карауле.
В нашу землю не вставить лопаты — артерии под землёй,
И не нефть, а кровавая жижа идёт струёй.

Это мы научились спать стоя, как скот в загоне.
И у нас не мимические морщины — история на лице.
И теперь в выходные мы ходим с семьёй в тц,
Обыкновенный районный тц
На расстрельном Бутовском полигоне.
И мы так спокойны, будто за нами и нет никакой погони.

Это нас посвятили в смотрителей пустоты,
Обязали вариться здесь вечности напролёт.
Верные узники прошлого, которое не пройдёт,
Полные кавалеры ордена Слепоты,
Каждую ночь оживающие кресты.
С безымянных братских могил обугленные кресты.

Моя смель

Ну посмей, моя смель, утянуть корабли на мель,
Обглодать до костей пустые морячьи тела.
Ты—скала, моя смель. Колючая сплошь скала,
Ибо некому стряпать снедь и стелить постель.

Над Москвой громоздятся тучи. И воздух сер,
Так что нечему проводить тут звуки и отблеск фар.
Будто что-то бормочет под нос себе лунный мольфар.
И бликует луна по его серпу и его косе.

Моя смель, мой махровый сгусток верховных сил,
Говори по делу. Иному не прорасти.
Только ты всё сжимаешь нервы свои в горсти:
«Посмотри: прояснилось. А ночью как моросил…»

И смеёшься, меж губ выпуская пар.
Штукатурка исходится на кракелюр.
И обои сжимаются в мелкий рубчик, такой велюр.
Ты кошмар, моя смель, круглосуточный мой кошмар.

Магазин за углом—как маяк для ночных бродяг,
Полигон для крестовых моих походов.
Моя смель, если что-то решишь менять—начинай с погоды.
Только небо предвосхищает: и смог, и сляк.

Моя смель, ну посмей, наконец, изжить меня из гостей,
Что приходят на редкость сердитыми и больными.
Ничего на земле мне не любо так же, как твоё имя,
Потому и его избегаю пуще, чем злых вестей.

Потому и тебя изгоняю. Утрами орёт петух
Из соседней квартиры, где спят в свитерах и джинсах.
Ну давай досмотрим друг в друга, докурим и разбежимся.
А пока помолчи со мной рядом. Табак-то ещё не потух.

Конец света

В наших угодьях всю ночь полыхали степи, и сумрак пал
Вперемешку с пеплом на эти пустые земли.
Ничего не осталось целым, помимо колючих скал,
Чей суровый вид для местности неотъемлем.

Мне пришлось разогнать табун, распустить свиней,
Оцепить поместье широкой полоской тины.
Приготовить себе отбивную и вместе с ней
Сесть и ждать пожар посреди гостиной.

Мне пришлось отбивать цыплят от орлов и лис,
Отгонять от дома крестьян, что пришли с разбоем.
Только солнце смеялось чуть слышно из-за кулис
Оттого, что случилось разом у нас с тобою.

В общем, в наших угодьях разор, беспредел и мрак.
Наш локальный Армагеддон, показательный конец света.
И я даже справляюсь. Но вот не пойму никак:
Почему ты не хочешь прийти и хотя бы взглянуть на это?